

ДАКТИЛИЧЕСКАЯ КЛАУЗУЛА В ЛИРИКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Дарья Поливанова
(Москва)

Задачей статьи является выявление особенностей использования различных частей речи и разных грамматических форм в дактилических клаузулах в лирике начала XX в. (1900–1925 гг.). На примере поэзии Пастернака, Бальмонта, Асеева, Мандельштама и Парнок мы рассмотрим, какие части речи более характерны для их дактилических клаузул, в какой грамматической форме они имеют обыкновение появляться и насколько в результате изысканным получается их поэтический язык. Эти авторы выбраны по двум причинам: они принадлежат к разным направлениям русской поэзии XX в., объединяемой общим определением «модернизма», и именно их тексты дают сравнительно высокий процент употребления дактилических клаузул в рассматриваемом хронологическом промежутке.

В начале XX в. возникает ощущение исчерпанности традиционного запаса рифм и необходимости его обновления. Ощущение привычности, легкости и невыразительности вызывалось в первую очередь рифмами грамматически однородными, поэтому самое заметное и общее явление в эволюции русской рифмы начала XX в. — это ее деграмматизация. Расширение привычного круга рифм совершалось во всех трех аспектах трактовки рифмы — в лексико-грамматическом, метрическом и, конечно, фоническом. В лексико-грамматическом аспекте это означало широкое использование нетрадиционной лексики и непривычных в такой позиции грамматических форм. Вводились в употребление целые классы слов, в прежней, грамматизированной рифмовке обычно в рифму не попадавшие. Основных новоосвоенных грамматических категорий было не очень много: деепричастия («покинув — павлинов»), императивы («киньте — лабиринте»), страдательные формы, сравнительные степени прилагательных, глаголы с ударением на приставках («к пристани — вистони»), прилагательные и глаголы с созвучными суффиксами («изменчивою —

увенчиваю») и, наконец, разнообразные составные рифмы («нежили – не те же ли»). Из примеров видно, что особенно богатый материал давали здесь дактилические рифмы. Поэты конца XIX и начала XX в. начинают обращаться к этому виду клаузулы чаще, чем их предшественники.

Частотность дактилической клаузулы

	Кол-во разоб- ранных стихов	Кол-во дакти- лических клау- зул	Процентное соотношение
Пастернак	7892	614	7,8%
Бальмонт	6527	341	5,2%
Мандельштам	4030	130	3,2%
Парнок	2351	271	11,5%
Асеев	3893	455	11,7%

Из таблицы видно, что наибольший процент дактилические окончания составляют у Асеева и Парнок, далее следует Пастернак, а Бальмонт и Мандельштам оказываются на последнем месте.

В работе М. Л. Гаспарова «Ритмический словарь частей речи», приводятся пропорции распределения в речи фонетических слов различной акцентной структуры (на материале прозаических текстов Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого, Чехова). Для слов, с интересующей нас акцентной структурой, мы приведем суммарные результаты (в процентах):

	сущ.	гла- гол	при- лаг.	наре- чие	мест.	пр.	число слов
Трехсложное слово с ударением на первом слог	40	17	30	4	4	5	706
Четырехсложное слово с ударением на втором слог	31	21	41	5	1	1	823
Пятисложное слово с ударением на третьем слог	32	21	39	7	1	0	366

Из таблицы видно, что интересующее нас ударение (на третьем от конца слоге) в 70% процентах случаев приходится на существительное или прилагательное, в 20% — на глагол. После сопоставления средней длины слова в слогах, среднего порядкового номера ударного слога и частного от деления второго на первое (показателя сдвига ударения к концу слова) М. Л. Гаспаров приходит к следующим, интересующим нас, выводам: «Для каждого акцентного типа слова характерен свой более или менее особый набор частей речи: в односложных и двусложных словах будет повышенный процент служебных частей речи, в словах с длинным безударным окончанием — повышенный процент прилагательных и т.п. <...> существительные в именительном падеже имеют ударение ближе к концу, так же безличные формы глагола и краткие прилагательные» [6].

Прежде всего рассмотрим, какие грамматические формы русского языка способствуют созданию дактилической клаузулы и тем самым являются ожидаемыми в этой позиции. Для дактилической клаузулы характерно двусложное безударное окончание, соответственно, для существительных предполагаемыми ожидаемыми формами являются: окончания мн. ч. творит. пад. (-ами/-ями) (метелями, звуками, муками) и окончания ед. ч. творит. пад. женского рода (-ою, -ею, -ёю) (бездною). Для прилагательных: формы мн. ч. именит. и винит. пад. (-ые/-ие) (красные, страстные), творит. пад. (-ыми/-ими) (снежными, безвестными) и формы един. числа среднего рода именит. и винит. падежей (ое/-ее) (постельное, колыбельное), мужского и среднего рода родит. пад. (-ого/-его) (народного, холодного), мужского и среднего рода дат. пад. (-ому/-ему) (неоглядному, жадному), женского рода именит. пад. (-ая/-яя) (пушистая, чистая), винит. пад. (-ую/-юю) (белую, смелую) и творит. пад. (-ою, -ею, -ёю) (твердою, гордою). Для глаголов наиболее характерны возвратные формы с безударным постфиксом -ся, наиболее употребляемая из них в поэзии форма 3 лица ед. ч. Также дактилическая клаузула создается посредством различных суффиксов и присоединением уже односложного окончания. Для прилагательных характерен причастный суффикс -ющ-, -ащ-; для существительных -ост-, -иј- и так далее.

В нашу задачу входило проанализировать — какие части речи используются тем или иным поэтом в этой позиции и с какой ре-

гулярностью. Результаты анализа приведены в следующей таблице¹:

Распределение дактилической клаузулы по частям речи

	сущ.	прилаг.	глагол	наречие	деепр.
Пастернак	45,9%	21,5%	19,5%	3,7%	1,8%
Бальмонт	32,8%	47,5%	16,1%	0,2%	0
Мандельштам	35,3%	46,9%	10,7%	0,7%	1,5%
Парнок	35,4%	34,3%	12,9%	2,2%	0,7%
Асеев	46,6%	22,4%	16,2%	1,5%	0,8%

Интересно, что у Пастернака количество прилагательных практически совпадает с количеством глаголов и составляет всего 20%, примерно столько же у Асеева. Это было не характерно для прозаического текста, где прилагательные и существительные оказывались на первых позициях. У Бальмонта и Мандельштама ситуация не намного отличается от подсчетов в прозе, а у Парнок существительные и прилагательные занимают одну и ту же позицию — около 35%. Сразу отметим, что у Мандельштама и Парнок меньше всего глаголов. Наречий и деепричастий больше всего у Пастернака (3,7 и 1,8%), их употребление совсем не характерно для Бальмонта; средний их процент наблюдается у Мандельштама, Парнок и Асеева.

Теперь рассмотрим соотношение ожидаемых и не ожидаемых грамматических форм существительных и прилагательных в данной позиции у пяти поэтов. Результаты анализа представлены в виде таблицы, куда включено количество используемых ими ожидаемых грамматических форм существительных и прилагательных, а напротив — количество использованных кратких форм прилагательных и бессуфиксальных существительных как нетипичных для данного вида клаузулы.

¹ Мы выделили следующие части речи: существительные, прилагательные, глаголы, наречия, деепричастия (причастия и наречия типа «светло» отнесены нами к прилагательным).

	«ожидаемые» формы прилагат. (мн. ч. именит. и винит. пад. (-ые/-ие), творит. пад. (-ыми/-ими) и пр.)	Краткие формы прилагательных	«ожидаемые» формы существит. вит. (творит. пад. мн. ч. и творит. пад. ед. ч. жен. р.)	Бессуффиксальные существительные
Бальмонт	72,9%	7%	31%	2,5%
Мандельштам	64%	4,9%	30%	43,75%
Парнок	52,6%	25,8%	11,4%	53,6%
Асеев	51%	14,7%	15%	48,3%
Пастернак	28%	20,4%	10%	40,7%

Из данной таблицы видны некоторые значимые различия у пяти поэтов. Во-первых, оказывается, что у Бальмонта больший процент употребления типичных форм с двусложным окончанием, чем у всех остальных, а бессуффиксальных существительных менее 3%, тогда как у остальных эта цифра выше 40%. Во-вторых, бросается в глаза пониженный по отношению к остальным процент употребления двусложных окончаний прилагательных у Пастернака. И, наконец, интересно соотношение по использованию полных и кратких прилагательных, которое явно выше у Пастернака и Парнок.

Теперь обратимся к анализу используемых глагольных форм. При их анализе существенную роль играет работа Т. В. Скулачевой «Ритм и морфология: ритмика глаголов». Из семи рассматриваемых Скулачевой ритмических типов нам подходит только один — четырехсложное слово с ударением на втором слоге (мы распространяем выводы Скулачевой и на остальные глаголы с ударением на третий от конца слог, так как исследователь исходил из наличия длинного безударного окончания).

На основании полученных Скулачевой результатов мы проанализировали употребление глаголов в позиции дактилической клаузулы, что отражено в таблице:

Морфологическая характеристика глагола		Бальмонт	Мандельштам	Пастернак	Асеев	Парнок
		Время	Прошедшее	9%	14,3%	32,5%
	Настоящее	89%	64,3%	45,8%	34%	39%
Число	Единственное	71%	71,4%	57,5%	23%	48,5%
	Множественное	29%	14,3%	25,8%	19%	40%
Род	Мужской	—	—	11,6%	12%	2,8%
	Средний	1,8%	—	2,5%	5,4%	2,8%
	Женский	5,4%	14,3%	7,5%	4%	8,5%
Вид	СВ	22%	43%	41%	46%	60%
	НСВ	78%	57%	59%	54%	40%
Возвр.	Наличие	80%	71,4%	42,5%	35%	11,4%

Теперь, сопоставив результаты, полученные при анализе глагольных форм в лирике пяти поэтов с данными полученными Скулачевой, можно выявить некоторые специфические детали их употребления.

Если Скулачевой было отмечено, что интересующая нас ритмическая структура слова чаще присуща глаголам в настоящем времени и практически не свойственна глаголам прошедшего времени, то здесь мы наблюдаем такую картину. У Бальмонта и Мандельштама формы настоящего времени значительно преобладают над формами прошедшего времени, и, напротив, у Пастернака глаголов прошедшего времени не намного меньше, чем настоящего, а у Асеева и Парнок прошедшее время даже преобладает над настоящим. У всех поэтов употребление единственного числа в той или иной степени более частотно, чем употребление множественного, что не противоречит законам русского языка. Если посмотреть на распределение по роду, то сразу бросается в глаза высокий процент употребления Асеевым и Пастернаком мужского рода (11,6 и 12%), что отмечалось Скулачевой как совсем не типичная черта для данного ритмического типа слова. У Парнок глаголов совершенного вида существенно больше, чем несовершенного, что не характерно для остальных поэтов. Кроме того, у Парнок меньше всего задействованы возвратные глаголы, которые являются типичными для дактилической клаузулы.

Итак, мы видим, что Бальмонт и Мандельштам используют на месте дактилического окончания главным образом те слова, грамматическая форма которых сама задает акцентную структуру слова. Это прилагательные с длинным безударным концом слова (белая, вольная), суффиксальные существительные (желание, страдание), возвратные глаголы (влюбляемся, склоняемся). Пастернак, Парнок и Асеев при создании дактилической клаузулы пользуются в меньшей степени грамматической формой слова и, наоборот, различными способами стараются использовать нехарактерные грамматические формы для создания дактилического окончания: бессуффиксальные существительные (шахматы, август), глаголы в прошедшем времени мужском роде (осиливал, унаследовал, выбросил, вымаливал), краткие прилагательные (вынянчен, свежевыкрашен), наречия (спологоря, замертво) и пр.

Поэты тем самым стремятся к превращению дактилической клаузулы в особое средство выражения. На это также указывает и дистрибуция на однородную – неоднородную рифму, так как использование грамматически неоднородной рифмы дает возможность еще больше разнообразить дактилическую клаузулу. Ср. результаты в таблице:

	Кол-во рифмованных пар	Неравносложные рифмы	Однородные рифмы
Пастернак	310	18%	2,6%
Бальмонт	157	0	75,8%
Мандельштам	56	0	41%
Парнок	149	4%	12%
Асеев	237	10,1%	15,6%

ЛИТЕРАТУРА

- 1 — Асеев Н. Н. Избр. произведения. М., 1990; 2 — Бальмонт К. Д. Стихотворения. Л., 1969; 3 — Мандельштам О. Э. Стихотворения. Проза. М., 2001; 4 — Парнок С. Я. Вполголоса. М., 2010; 5 — Пастернак Б. Л. Полн. собр. стихотворений и поэм. СПб., 2003; 6 — Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Статьи о лингвистике стиха. М., 2004.